

Научная статья
УДК 37.01

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕЙ ХЕЙДЕНА УАЙТА

Алексей Алексеевич Романов¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, romanov.rzn.62@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0066-6860>

Аннотация. В современной педагогике актуализируется тенденция обращения исследователей к прошлому, являющемуся неиссякаемым источником обогащения современной и будущей педагогической культуры, ставшему эффективным инструментом постижения и осмысления новейших процессов в обучении и воспитании подрастающих поколений. Рассмотрены концептуальные идеи исторического и практического прошлого известного ученого Хейдена Уайта, подходы к их анализу и включению в методологические основы построения историко-педагогического знания, соответствующего запросам сегодняшнего дня. Целевые установки на ознакомление с достижениями педагогической культуры прошлого становятся незаменимыми компонентами в системе профессиональной подготовки и воспитания современных сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: Уайт Хейден, историческое прошлое, практическое прошлое, историко-педагогическое знание, историческое событие, исторический факт, историческое понимание, историческая рефлексия

Для цитирования

Романов А. А. Практическое прошлое сквозь призму идей Хейдена Уайта // Векторы психолого-педагогических исследований. 2025. № 3(08). С. 25–32.

Original article

THE PRACTICAL PAST THROUGH THE PRISM OF HAYDEN WHITE'S IDEAS

Alexey Alekseevich Romanov¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, romanov.rzn.62@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0066-6860>

Abstract. In modern pedagogy there is a growing trend of researchers turning to the past, which is an inexhaustible source of enrichment for modern and future pedagogical culture, and has become an effective tool for understanding and comprehending the latest processes in the education of younger generations. The conceptual ideas of the historical and practical past of the famous scientist Hayden White, approaches to their analysis and inclusion in the methodological foundations of building historical and pedagogical knowledge that meets the needs of today are considered. The targets for familiarization with the achievements of the pedagogical culture of the past are becoming indispensable components in the system of professional training and education of modern employees of the penal correction system.

Keywords: White Hayden, historical past, practical past, historical and pedagogical knowledge, historical event, historical fact, historical understanding, historical reflection

For citation

Romanov, A. A. 2025, 'The practical past through the prism of Hayden White's ideas', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(08), pp. 25–32.

Основы современной и будущей педагогической культуры базируются на историко-педагогическом знании как продукте развития человеческого общества, поэтому так важно представлять педагогическую науку в единстве всего богатства педагогического прошлого и настоящего [1, с. 12]. Педагогическое прошлое в качестве одного из базовых понятий истории педагогики предоставляет для ученых широкий спектр вариантов его исследования. Знание о прошлом многозначно в контексте бесконечного множества интерпретаций, в диалоге различных методологий, подходов, точек зрения, поэтому каждый автор создает свой образ прошлого, свое видение исторической действительности прошедшего времени.

Новейшая тенденция актуализации обращения к прошлому проявляется и при изучении истории человечества вообще и при обращении к педагогической истории в частности. Современные публикации характеризуют историко-педагогическое знание как возможность решения «актуальных проблем развития теории и практики современного образования, в том числе новейших инновационных процессов в обучении и воспитании подрастающих поколений. По существу, история педагогики дает людям образование, которое способствует тому, что они получают возможность лучше понимать как самые разные педагогические феномены, так и самих себя в пространстве этих феноменов» [2, с. 18–19]. При этом необходимо обратить внимание на вывод Г. Б. Корнетова, подтвержденный многими исследователями, что «история педагогики предстает одновре-

менно и наукой педагогической (по предмету исследования), и наукой исторической (по методам исследования). В этом контексте существенный интерес представляет обращение к новейшим достижениям исторической науки, которые касаются вопросов практического значения исторического знания для современности» [3, с. 17]. Обсуждению насущных вопросов по обозначенной проблеме был посвящен XII Национальный форум российских историков педагогики «Изучение педагогической реальности в контексте концепций исторического и практического прошлого» (Москва, 17 апреля 2025 г.).

В качестве примера детального анализа понятий исторического и практического прошлого мы рассмотрели научный труд известного теоретика истории и литературного критика Х. Уайта «Практическое прошлое». Книга необычайно интересна не только авторским подходом, интерпретацией понятий «историческое прошлое», «практическое прошлое», «нарратив», «описание», «историческое событие», «исторический факт», «сюжет», «вымысел», «миф», но и призывом к читателям думать над правильным употреблением этих терминов.

Согласно концепции Х. Уайта история изучает прошлое, но знание о нем всегда относительно, а рассматриваться оно может как историческое и практическое. Прошлое состоит из «событий и сущностей, которые когда-то существовали, но больше не существуют; что историки правильно верят в то, что к этому прошлому можно получить доступ и понять его, изучая его следы, существующие в настоящем; и что, наконец, историческое прошлое состоит из референтов тех аспектов прошлого, которые изучаются (или демонстрируются) в жанровых сочинениях, условно называемых «историями» и признаваемых таковыми профессиональными учеными, имеющими право решать, что является «по-настоящему» историческим, а что нет» [4, с. 34]. Историческое прошлое «никто никогда не проживал и не испытывал», потому что его «невозможно постигнуть на основании сведений о том, что люди в прошлом знали или думали о современном им мире или как они представляли себе его» [4, с. 47]. Сама история должна оставаться тайной, требующей размышления, а не простого разгадывания, она может быть лишь идеалом, а не реальностью.

Историческое прошлое, по Х. Уайту, «существует только в книгах и статьях профессиональных исследователей прошлого, написанных по большей части для других таких же исследователей, а не для широкой аудитории». Оно обладает очень ограниченной практической ценностью (если вообще ею обладает) и почти ничего не дает для понимания того, что обычные люди называют «настоящим» [4, с. 92]. С практическим прошлым люди знакомятся через такие литературные произведения, как биографии, автобиографии, исторические романы, которые могут быть «литературными», но не «вымышленными» [4, с. 33]. По словам Х. Уайта, практическое прошлое, в отличие от прошлого историков, «переживается всеми нами более или менее индивидуально, а также более или менее коллективно. От него зависит, как мы воспринимаем те или иные ситуации, решаем проблемы и выносим оценивающие суждения в повседневных обстоятельствах, которые никогда не переживали исторические „герои“» [4, с. 55].

Автор подчеркивал, что выделенные два вида прошлого «представляют скорее описание идеальных типов, а не реальных точек зрения или идеологий. Профессиональная историография была создана (в начале XIX века) в университетах, чтобы служить интересам национального государства, помогать в создании национальных идентичностей и использовать при обучении педагогов, политиков, колониальных администраторов, политических и религиозных идеологов в очевидно «практических» целях. То есть

она выполняла явно «практическую» функцию». <...> Кажущееся «двуличие профессиональных историков полностью соответствовало научной идеологии того времени, рассматривавшей естественные науки как одновременно «беспристрастные» и «практические», или общественно полезные» [4, с. 56–57].

Свою лепту в разработку тематики практического прошлого, несомненно, внесла и философия истории, даже отмечалось некоторое соперничество историков и философов истории. Х. Уайт писал: «У настоящих историков есть свои причины остерегаться философии истории, и в обозримом будущем их примирение представляется маловероятным. Но стоит сказать, что философия истории все равно относится к категории дисциплин, призванных упорядочить и наделить смыслом «практическое», а не «историческое» прошлое, сконструированное профессиональными историками в назидание своим коллегам в различных областях знания. Но разграничение между прошлым, конструируемым историками, и тем прошлым, что конструируется философами истории, позволяет – или кажется, что позволяет – лучше понять проблему, которая вызывает особую обеспокоенность в современной западной научной культуре – я говорю о взаимоотношениях между фактом и вымыслом (иногда говорят о взаимоотношениях между историей и литературой) в контексте культурного модернизма» [4, с. 58].

Х. Уайт обратил внимание на характер описания учеными исторических фактов и событий, на различие в их понимании. Особенность заключается в том, что исторический факт существует только в мысли, языке или дискурсе. При этом все исторические факты являются событиями, но не все исторические события являются историческими фактами. Историческое событие должно обладать нарративной субстанцией, то есть оно может быть рассказано. Отсюда, считал автор, попытки теоретизировать отношения между историческим прошлым и его практическим аналогом создают настоящую проблему. Объясняется это тем, что «интерес к практическому прошлому должен вывести нас за пределы «фактов» в том виде, в каком они обычно понимаются историологической мыслью. В самом деле, это должно вывести нас за рамки представления о том, что факт, чем бы он ни был, определяется посредством его логического противопоставления «вымыслу», где под вымыслом понимается воображаемая вещь или продукт воображения» [4, с. 68].

Ввиду того что прошлые события не могут быть непосредственно познаны, профессиональные историки ограничивают себя в выводах относительно прошлого, создавая фрагментарную картину, требующую художественной доработки, используют воображение в своем дискурсе. Однако, по убеждению Х. Уайта, «принцип историографических утверждений заключается в том, что они не должны «лгать», «искажать», а также отрицать, упускать, отвергать и дезавуировать те «факты», которые были выявлены в «реальности» прошлого. Все это, считал он, довольно плохо, согласно моральной эпистемологии, лежащей в основании значительной части современных размышлений об историческом письме – но намного, намного хуже подвергать историю фикции, преподнося «вымышленные вещи как «факты» в вымысел или смешивая факты и вымысел подобно таким низким жанрам, как исторический роман, историческое кино». И, продолжая, «такого рода преступление, грех или проступок сродни возмутительной «мифологизации» реальности или «метаисторическому» подходу к исторической действительности в духе Гегеля, Маркса, Ницше, Шпенглера, Тойнби и других» [4, с. 76–77].

Познавательны размышления автора книги о приверженности ученых как к природе исторических событий, так и к природе свидетельств, подтверждающих их фактичность.

Значение в историко-педагогическом дискурсе имеет также понимание различия между событием и фактом. События – это то, что произошло в реальности и отражено в документальных источниках, оно «не может стать частью истории, пока не будет установлено как факт. Из чего можно заключить: события происходят, факты устанавливаются» [4, с. 96–97]. Обратим внимание и на мысль, что «события не делаются «историческими» только в силу того, что они действительно произошли в прошлом в определенное время и в определенном месте и оказали заметное воздействие на контекст, в котором они случились. И это связано с тем, что список таких событий, даже если разместить их в хронологическом порядке, может стать анналами или хроникой, но едва ли историей. Для того чтобы определенное событие, набор или серию событий можно было считать «историческими», набор или серия должны также поддаваться описанию, как если бы они обладали атрибутами элементов сюжета истории» [4, с. 109]. Хотя о сюжетах автор высказался следующим образом: «Докса (общепринятое мнение. – А. Р.) современных профессиональных исторических исследований предполагает, что в истории (событиях прошлого) нет сюжетов так же, как и нет огромного, всеохватывающего всеобщего сюжета Истории (то есть плана, предопределенного конца, задачи, цели, или телоса (термин древнегреческой философии, обозначающий предназначение отдельных вещей, человека или мира в целом. – А. Р.) всей траектории развития человечества, от известного начала до невообразимого конца)» [4, с. 110–111].

Х. Уайт обратил внимание еще на одну грань определения и понимания события в истории. Говоря его словами, специфически историческое событие (скажем, определенного вида психосоматическое событие, вне зависимости от того, идет ли речь об отдельном человеке или группе), возможно, является тем событием, «которое происходит в некоем настоящем (или которое переживает та или иная группа). Мы не можем определить природу этого события и каким-либо образом обозначить его, поскольку оно проявляется лишь как «вторжение» силы или энергии, разрушающее существующую систему и вызывающее изменения (какие именно изменения и в какую сторону они направлены, остается неизвестным до тех пор, пока они не начнут происходить). Определить и понять конечную цель, задачу и смысл происходящего можно лишь впоследствии, равно как и отреагировать на изменения. Но под этим «впоследствии» я подразумеваю не любой момент в будущем. Речь идет о таком моменте, когда вторжение того, что кажется так или иначе связанным с предыдущим событием, раскрывает (или кажется, что раскрывает) самим фактом этой связи «смысл», значение, суть или даже предсказание, содержащиеся одновременно в более раннем и более позднем событии, пусть в скрытом и неявном виде» [4, с. 124].

Для нас важно было также обратиться к трактовке Х. Уайтом термина «понимание». В этом аспекте автор, солидаризируясь с философом и искусствоведом А. Данто, определял историческое понимание, как своего рода «объяснение через узнавание», как ощущение, что «правильно описанный объект займет подобающее ему место в системе номинации и классификации, заданной «здравым смыслом» (и/или исторической культурой), характерным для того или иного времени или места» [4, с. 125]. Понимание истории отражается в определенном тексте, повествовании (нарративе).

Одновременно нужно понимать, что исследователь, создавая свой нарратив, придерживается идеологических позиций. Нельзя написать историческую работу, которая была бы свободна от политической идеологии. В общественном устройстве так сложилось, отмечал Х. Уайт, что доминирующие в социуме группы стали считать исторический процесс своей собственностью, претендовать на право самим решать, «кто будет включен

в историю, а кто нет, и таким образом определять, кого следует считать полноценным человеком, а кого – нет. Даже в группах, гордящихся своей принадлежностью к истории (то есть к цивилизации) или обладанием историей (то есть реальной, а не мифической генеалогией), на протяжении долгого времени существует представление, что историю пишут победители и в интересах победителей и что историческое письмо в конечном счете – это идеологическое оружие, которое удваивает угнетение и так уже угнетенных групп, лишая их исторического прошлого и, как следствие, идентичности» [4, с. 90–91].

В книге прослеживается тревожащая Х. Уайта мысль об отсутствии нацеленности профессиональной историографии на проблемы этики. Сам же он утверждал, что «история, хотим мы того или нет, преподносит нам моральные уроки просто потому, что облекает свои рассказы о прошлом в форму историй. На более общем уровне это происходит по той простой причине, что она использует естественный язык, описывая предметы своего интереса и передавая соображения историка о том, чем эти предметы являются на самом деле, что они делали, что с ними происходило и как они приобрели ту форму, которую имеют в наших дискурсах о них» [4, с. 64]. Вневременное этическое значение имеет и обозначенный Х. Уайтом принцип человеческой цивилизации: «ты не должен относиться к другому человеку, как если бы он был не вполне человеком, что также является правилом современного гуманистического историологического исследования; ты должен относиться ко всякому человеку в истории как причастному человечности (humanitas), которую разделяют все люди» [4, с. 83].

А. Олейников в предисловии к проанализированной книге «Практическое прошлое» обратил внимание на важную для каждого мысль историка и философа Э. Доманской, пронизательно увидевшей в труде Х. Уайта проект, названный ею историографией освобождения. Под этим она понимает «мобилизацию освободительного потенциала исторической рефлексии посредством активации и усиления способностей, присущих не самой истории, но тем, кто ее изучает» [4, с. 15–16].

Подводя итоги, отметим необходимость, погружения образованного человека в мир педагогического прошлого, так как оно «является не просто объектом изучения, реконструкции, объяснения, понимания. Оно прежде всего является инструментом, который всегда так или иначе может и должен использоваться для осмысления, уточнения и решения проблем сегодняшнего дня» [5, с. 5]. Именно поэтому в системе профессиональной подготовки и воспитания современных сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) большое значение имеют целевые установки на ознакомление с достижениями педагогической культуры, накопленными в процессе развития человеческого общества. Тем более это важно в условиях тенденции к гуманизации социального устройства сегодняшнего дня, чему посвящены и многие научные труды.

Наиболее интересна, на наш взгляд, книга П. Весперини «Переписывая прошлое» [6]. В ней говорится, в частности, о переходе от культуры наследия к культуре гуманизма. Гуманистом автор называет «любого, кто интересуется прошлым ради самого прошлого, не стремясь использовать его для господства и порабощения. Своими исследованиями он не только возвращает к жизни культуру наследия, очищая памятники от патины и глянца, но и выискивает а прошлом то, что не было нам передано. Он бродит по руинам, ныряет в безмолвные глубины архивов, ведет раскопки. В рамках этой великодушной концепции, охватывающей все прошлое, историю, как победителей, так и побежденных, он реконструирует и реставрирует жизнь людей, что в итоге способствует размышлениям о человеческой жизни нашего времени» [6, с. 63–64]. Да, размышлять необходимо!

Хотя не все об этом задумываются, «размышлять всегда опасно, ведь это может поколебать уверенность, которая служит основой нашей жизни. И даже если смелости не достаёт, необходимо все равно на это решиться, потому что, как сказала Ханна Арендт, отсутствие размышления ещё опаснее» [6, с. 63].

Изучать нужно хорошие книги, сравнивать их с тем, что читали раньше, соотносить с быстро меняющимися временами, видеть авторские акценты и выводы, ориентированные на решение педагогической реальности сегодняшнего дня, а день этот не только всегда включает в себя историческое и практическое прошлое, но и во многом даёт понимание возможностей педагогического будущего.

Список источников

1. Романов А. А. Основные направления современных педагогических исследований // Векторы психолого-педагогических исследований. 2023. Т. 1, № 1. С. 10–17.
2. Теория и практика современного образования в пространстве историко-педагогического процесса : монография / под ред. Г. Б. Корнетова. М. : АСОУ, 2023. 396 с.
3. Изучение педагогической реальности в контексте концепций исторического и практического прошлого : монография / под ред. Г. Б. Корнетова. М. : КУРО, 2025. 438 с.
4. Уайт Х. Практическое прошлое / пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна ; предисл. А. Олейникова. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 192 с.
5. Корнетов Г. Б. Взаимосвязь и взаимовлияние педагогического прошлого и настоящего в контексте переписывания прошлого и культуры отмены // Инновационные проекты и программы в образовании. 2025. № 2(98). С. 4–10.
6. Весперини П. Переписывая прошлое: Как культура отмены мешает строить будущее / пер. с фр. Е. Поляковой, Е. Лобковой. М. : Альбина Паблишер, 2025. 212 с.

References

1. Romanov, A. A. 2023, 'The main directions of modern pedagogical research', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 1, pp. 10–17.
2. Kornetov, G. B. (ed.) 2023, *Theory and practice of modern education in the space of the historical and pedagogical process: monograph*, Academy of Social Management, Moscow.
3. Kornetov, G. B. (ed.) 2025, *The study of pedagogical reality in the context of concepts of the historical and practical past: monograph*, KURO, Moscow.
4. White, H. 2024, *Practical past*, translated from English by K. Mitroshenkov & A. Aramyan, New Literary Review, Moscow.
5. Kornetov, G. B. 2025, 'Interrelation and mutual influence of the pedagogical past and present in the context of rewriting the past and the culture of cancellation', *Innovative projects and programs in education*, iss. 2(98), pp. 4–10.
6. Vesperini, P. 2025, *Rewriting the past: How the culture of cancellation prevents building the future*, translated from French by E. Polyakova & E. Lobkova, Albina Publisher, Moscow.

Информация об авторе

А. А. Романов – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики.

Information about the author

A. A. Romanov – Sc.D (Pedagogical Sciences), professor, professor of the department of legal psychology and pedagogy.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 03.08.2025.

The article was submitted 15.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 03.08.2025.